

СЕКЦИЯ № 2 СТРАНЫ ЕВРОПЫ И МИРА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ АНАЛИЗА ГЕОПОЛИТИКИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Романов В.А., Яролич Н.А. (г. Псков, Россия)

На фоне обширной литературы, посвященной изучению первой мировой войны, актуально выделить геополитический аспект концептуализации ее причин, последствий и уроков. Геополитический анализ помогает понять динамику политики и связать это с долгосрочными интересами стран с целью улучшения стратегической позиции государств по отношению к соперникам и конкурентам в новых международных условиях. Особое значение геополитического анализа заключается в том, что он помещает конкретные события в широкий контекст не только международных противоречий, разных проекций желаемых целевых результатов, но и возможного будущего ведущих держав. Во многом в зависимости от того, каким представляется этот контекст, инициируется смена историографических концепций и политических оценок, стратегических выводов. Именно вокруг этого всегда происходят так называемые информационные войны.

Общеизвестно, что в генезисе теории и практики геополитики выделяют такие этапы. Классическая геополитика второй половины XIX века органически связана с пространством и территориальными претензиями, которые были основными причинами конфликтов почти во всех европейских войнах. Это воспринималось как показатель могущества государств и амбиций правителей. К началу 20 века геополитические воззрения из военной области, где они имели узкоприкладной характер, перешли в сферу философии политики. На наш взгляд, уже в начале 20 века, классическая геополитика дополнилась формированием модели неклассической геополитики. Геополитика после "холодной войны" приобрела по преимуществу экономический характер и получила название геоэкономика (1991-2001 гг.). А в XXI веке геополитика приобрела цивилизационный характер. Для современной геополитической теории большое значение имеет изучение форм контроля над пространством с учетом технологических возможностей, которыми обладают государства (формы такого контроля: политический, военный, экономический, цивилизационный, коммуникационный, демографический, информационный).

Генезис феномена геополитики как теории и практики происходил на основе комплекса предпосылок.

Во-первых, наличие мощного философского обоснования. Становление западной геополитической традиции восходит идейно к философии эпохи Просвещения. Так, теории географического детерминизма сыграли в Европе решающую роль при возникновении геополитики как науки. Ш.Л.Монтескье политическое развитие народов и государств определил так: власть климата есть первейшая власть на земле. Огромное влияние идей Г.В. Гегеля, который впервые в истории мысли разработал методологию концептуального геополитического анализа на основе специфики и роли национального духа. Теории авангарда в истории, в котором воплощен мировой дух, трансформировались в тезис о гегемонизме в геополитике, что одинаково было воспринято сторонниками всех идейных течений в Европе с той разницей, что менялся субъект этого авангарда. Концептуальные нововведения о прогрессивном развитии и цивилизованности спровоцировали не только иерархический подход в оценке отношений государств и народов, но и политическое мышление с проекцией в будущее. Способность небольшой группы великих держав мыслить и оценивать свою и мировую ситуацию стратегически в начале XX в. воплощалась именно в геополитике. Ведь ресурс философии характеризует интеллектуально-проективный горизонт мышления ее элиты и народа.

Во-вторых, важную роль сыграли сдвиги в методологии научного познания. Поскольку в начале 20 в. стала очевидна специфика социально-гуманитарного знания. Начался этап неклассической рациональности, поскольку происходило изменение структуры духовного производства в европейской культуре. Неклассическая рациональность стимулировала конституирование новых наук, расширяла представления о реальности, которую можно с разных позиций изучать и изменять. Теория стала рассматриваться как гипотетико-дедуктивная система, с научными предположениями. Это в итоге привело к пониманию того, что сознание познающего субъекта зависит не только от социальных обстоятельств, но и от определяющих его целевых стратегиях.

В результате геополитика из фактора прикладного военного знания, приобрела статус самостоятельной науки, которая может в разных схемах и концептах описывать одну и ту же реальность. Геополитика стала наукой не только в целях познания действительности, но и для ее преобразования. Появляется множество геополитических концепций, которые уже имели стратегический вектор на переформатирование настоящего и будущего. Западная наука уже начале XX века создавала многовариантные геополитические парадигмы. Так что о геополитике в ее меняющихся формах никогда нельзя говорить только в прошедшем времени.

В-третьих, сама логика развития капитализма в условиях нового витка индустриализации порождала с неизбежностью противоречия между странами. Экономические возможности одной группы стран объективно уменьшались и, наоборот, возрастали у других. Это создавало самый мощный системный конфликт интересов в конкуренции великих держав и мировых войн. Это объективно переформатировало интересы правящих и владетельных групп. В начале 20 века в мировую борьбу включился уверенный в своей быстрорастущей промышленной мощи американский империализм с либерально-экспансионистской программой «интернационализации» международных рынков, которая бросала вызов всем европейским традициям. Великобритания стояла перед риском приобрести несколько врагов одновременно, не имея ни одного надежного союзника, необходимостью защиты имперских владений в разных частях земного шара. [3, с.201]. Успехи Германии в сфере промышленного производства и в строительстве военно-морского флота оказалась чрезвычайно опасными для Англии.

В-четвертых, российский фактор. Обратим внимание на то, что большинство европейских конфликтов и геополитических доктрин 20 века центрировались в связи и вокруг с фактором России. В России как союзнике нуждались западные державы и пытались вовлечь ее в зону достижения своих интересов, но при этом западные элиты были малотерпимы к инаковости России, понимая при этом одновременно ее объективную мощь. В том числе и в исторической перспективе. Ни одна из держав Европы, которые боролись за лидерство и будущее стратегического доминирования, не могла обойтись без России, но, как показала последующая история 20 века, при этом западные друзья-враги одновременно с геополитическими процессами интегрировались на русофобии. До 1820 г. Англия и Германия восхищались ролью России в освобождении Европы от наполеоновского нашествия. Когда наполеоновская угроза миновала, Россия перестала быть популярной в глазах либералов и консерваторов. Заметки А.де Кюстина (1843) – кульминация антирусских предрассудков.[5] Все они начинают противопоставлять якобы русское варварство европейской цивилизованности, но при этом даже А. Токвиль полагал, что главную роль в будущем будут играть две страны – Россия и США.

Первым крупным философом указавшим еще в конце 17 века на особую геополитическую/историческую роль России был Г.В.Лейбниц, который увидел ее будущий статус в качестве моста между крупными мировыми цивилизациями – европейской и китайской. Вольтер считали Россию страной возможностей. Но уже Ш.Монтескье в 18 веке в контексте изучения духа законов и режимов по сути оформил базовое клише антирусского характера на основе того, что в российском обществе отсутствует средний класс. Ж.-Ж.Руссо формулирует миф, что Россия хочет подчинить себе Европу. Но полный синтез идей будет по силам только Д.Дидро, который соединил отказ от естественного права и либерализм с идеей прогресса цивилизации. Подобная схема мышления искусственно отбрасывала Россию к подножию лестницы мировой цивилизации.

Таким образом, вышеприведенные позиции позволяют комплексно понять, на какой основе утвердились две господствовавшие в начале XX в. парадигмы геополитического мышления – теория «морской силы» А. Т. Мэхэна и концепция «Хартлэнда» Х. Дж. Маккиндера. Немецкая и англо-американская школа геополитики развивались на мощном философско-политологическом фундаменте единства реализма и прагматизма, рационализма и идеализма. Они сфокусировали в себе политический климат начала XX века, который характеризовался повышенным интересом к вопросам пространства и приверженностью к конкурентной разработке концептуальных геополитических схем.

Говоря о немецкой геополитике в целом, следует отметить, что ее представители рассматривали геополитические проблемы наиболее системно, в единстве с комплексом всех отраслей знания. В развитии немецкой геополитической школы стержневым стал геополитический закон соответствия политики, права и территории. Фундаментальность изначальной целевой установки состоит в том, что геополитику рассматривали как «немецкую науку» обоснование идеи и практики «жизненного пространства». Мощная философская традиция с диалектикой мышления в интеллектуальной жизни способствовала дискуссиям о месте и роли Германии в мире, в контексте которых было введено понятие «жизненное пространство. Идеи Ф.Ратцеля и геополитика К.Хаусхофера являлись важными компонентами интеллектуального и морального климата Германии в период с 1890 по 1945 год. Ф. Ратцель первым сформулировал положение о том, что пространство – это не просто территория, занимаемая государством, а его политическая сила, а будущей международной политике должны доминировать крупные государства, занимающие большие континентальные пространства. Так, К.Риттер – современник еще Г.В. Гегеля – выдвинул идею иерархического деления мира в глобальном пространстве на основе деления на континентальные и морские части. А в концепции К.Шмитта была обоснована фундаментальная идея «прав народа», которую он противопоставлял либеральной теории «прав человека». Он вплотную подошел к понятию глобального исторического и цивилизованного противостояния между цивилизациями суши и цивилизациями моря, как совершенно различных, несводимых друг к другу и враждебных цивилизаций, а не о вариантах единого цивилизационного комплекса.

У всех участников и субъектов геополитики начала 20 века были свои интересы и политическая дипломатия. Германия пыталась удержать Россию в орбите антибританской политики стратегия «объединения континента», предлагая создание грандиозного «евразийского» континентального блока. [4, с.37] А вот внешняя политика России характеризовалась режимом симптоматичных колебаний в разные стороны. Перетягивали как страны Европы, так разные группировки внутри властвующей элиты. Хотя русская геополитическая мысль в начале XX века имела наработки, политической элитой это не было востребовано. Российские политики консервативного толка, отдавали приоритет традиционной панславистской программе – пункт, который вызывал наибольшее раздражение Германии и, соответственно, больше всего подогревал в русском обществе антигерманские настроения [3]. Сторонники либеральной буржуазия с лагерем так называемых «европеистов», критиковала дальневосточную политику царизма. При этом русская геополитическая мысль начала выражала скепсис по поводу стратегической ценности для России союза с Великобританией, были сомнения в неразрешимости противоречий между Россией и Германией. В том, что касалось Германии, русские геополитики начала XX в. в не меньшей степени, чем сами немцы, демонстрировали понимание сложной дилеммы. Вандам А. Е. (Едрихин) определял суть назревавшей в Европе мировой схватки как цель англичан сохранить свою мировую гегемонию двумя путями: решить германский вопрос через общеевропейскую войну при обязательном участии России, которая возложит на себя, по меньшей мере, три четверти всей тяжести войны на суше. Он понимал, что будет не только вероятное поражение Германии, но и «последующее ослабление России вследствие нового организуемого против нее Англией *balance of power*» [1, С.174]. Недооценка парадигм и идей геополитики дорого стоила. Однако, в этих условиях основатель евразийства П. Савицкий сформировал смысловое ядро российской геополитики («месторазвитие») и он считал, что судьба России зависит от того, будет ли у нас континентальная интеграция.

Англо-американская школа геополитики мыслила более глобально. Абсолютное доминирование англосаксонской «океанической» стратегии в анатомии мирового конфликта и второстепенная, подчиненная, в известном смысле жертвенная роль в нем России вполне ясно осознавались мыслящей частью русского общества. Геополитический маневр англо-американский Запад по расколу континентальных держав и с присоединения к Антанте России, – в результате чего стало возможным полное «окружение» Германии – был использован в первой и во второй мировой войне. Небезынтересно, что в гражданской войне в России участвовали персоны, которые и были главными интеллектуалами геополитического процесса. На Украине участвовал Х. Маккиндер, который по сути является духовно-интеллектуальным источником идей З.Бжезинского, и который предлагал расчленять Россию, поддерживать Белое движение, осознавая, что большевики являются континентальной, то есть евразийской силой.

Хотя Россия к началу XX века не имела сформированного комплекса геополитических теорий, но интуитивные наработки были, так как приходилось реагировать на внешние давления. Геополитическая мысль не трансформировалась в общегосударственные военно-политические и идеологические стратегии. Россия вступила в первую мировую войну в условиях отсутствия единой геополитической доктрины, не было рациональных проектов будущего, адекватных вызовам 20 века. [2]

В отличие от прошлых войн, часто возникавших спонтанно, мировые войны были тщательно спланированы и подготовлены не только в военно-политическом, но и в идейно-политическом плане. Именно геополитике суждено было стать идеологией великих держав, а мировой войне – способом глобального разрешения геополитических противоречий между ними

Таким образом, геополитический контур анализа вбирает в себя всю изменчивость конкретных ситуаций и изменения распределения сил и влияния государств. Позволяет фиксировать эпохальные сдвиги в балансе мировых сил. Выявлять угрозы мировой гегемонии и выстраивать стратегическую перспективу на последующие, как минимум, 20–30 лет. С этой точки зрения колебания в позициях великих держав в целом укладываются в логику соперничества их перспективных геополитических стратегий. Геополитическое могущество государства проявляется не просто в военной или экономической мощи, но и в стратегической проекции его будущих возможностей. Так, Россия, пройдя через мировые войны, осознала важность демонстрации геополитической мощи в виде собственных доктрин, аутентичных идей и системных намерений.

Как показал 20 век, в итоге исторически выигрывали те страны и силы, которые мыслили не ситуационно или в режиме прошлого опыта, а которые вырабатывали и апробировали во внешнеполитических действиях стратегические геополитические доктрины. Сейчас, спустя почти век можно сказать, что победа Антанты явилась до известной степени иллюзорной и случайной, поскольку ход войны, как ни парадоксально, выявил резко возросшее значение в мировой борьбе тех выгод стратегической диспозиции и источников ресурсной силы, которыми обладали именно континентальные державы.

Сейчас на рубеже 20-21 века идеи геополитики радикально могут изменить пространственные отношения между центрами многополярного мира, государствами и цивилизациями, так как сегодня геополитика вплотную подошла к освоению информационной парадигмы информационной безопасности и концептуально-го лидерства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вандам, А. Е. Геополитика и геостратегия : [Сборник] / Е. А. Вандам; Лига отечеств. культурного наследия. – Жуковский; М.: Кучково поле, 2002. – 269с.

2. Дугин, А.Г. Геополитика России.- М.: Академический Проект: Гаудеамус. 2012.-424 с.
3. Дусинский И. И. Геополитика России. М.; Редакция Журнала "Москва", 2003. – 320 с.
4. Зубков, К.И. Геополитический поход к анализу причин первой мировой войны: дискуссионные проблемы теории. / Зубков К.И./Уральский исторический вестник.-2014.-№ 1 (42).- С.33-42.
5. Меттан, Г. Запад – Россия: тысячелетняя война / Ги метан; [перевод Мария Аннинская, Светлана Булгакова]. – М.: Паулсен, 2016. – 464 с.
6. Философия и методология науки: учеб.пособие /Ч.С.Кирвель и др.; Под ред. Ч.С.Кирвеля. – Минск: Вышш.шк., 2012.- 639 с.

СОВРЕМЕННАЯ БЕЛОРУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ДИПЛОМАТИИ ПЕРИОДА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Косов А.П. (г. Витебск, Беларусь)

Практически тридцатилетний период развития отечественной науки о международных отношениях в Республике Беларусь позволяет подвести некоторые промежуточные итоги. На сегодняшний день в стране сложились и успешно функционируют научно-исследовательские центры в ряде университетов, сотрудники которых активно занимаются внешнеполитической проблематикой от древних времен до современности. Ниже хотелось бы проанализировать состояние современной белорусской историографии истории международных отношений и дипломатии периода Второй мировой войны.

Следует отметить, что в отечественной исторической науке военная проблематика является наиболее разработанной. Сегодня имеются тысячи исследований. Однако в основном наши историки занимаются изучением боевых действий, партизанского движения, оккупационной политики немецких властей на белорусских землях. Значительно меньше работ посвящено иным аспектам Второй мировой войны, в том числе и внешнеполитическим аспектам. Правда, в отличие от российской историографии [см. напр.: 6; 7] в Беларуси нет фундаментальных работ, в которых бы комплексно рассматривались международные отношения периода войны. Тем не менее отдельные сюжеты из истории международных отношений и дипломатии 1939–1945 гг. все же получили свое освещение в работах белорусских авторов, вышедших в конце XX – начале XXI века.

Анализ имеющихся публикаций показал, что одной из достаточно неплохо разработанных в отечественной историографии тем, является проблема советско-польских отношений накануне и в годы войны. Это неудивительно, ведь согласно Рижскому мирному договору 1921 г. часть белорусской территории оказалась в составе Польши. Разумеется, по мере усиления геополитических позиций СССР и наличия идеологического фактора во внешней политике Кремля советское руководство было не прочь вернуть утраченные ранее земли. Белорусские авторы исследуют основные этапы, главные формы и результаты дипломатической борьбы советского правительства за территорию Западной Белоруссии на протяжении Второй мировой войны. Многие из них обратились к дипломатическим аспектам процесса воссоединения Западной Белоруссии с БССР в контексте трансформации международных отношений в Европе [18; 19]. Так, профессор Гомельского госуниверситета Г.Г. Лазько рассматривает западнобелорусский вопрос во внешней политике Советского Союза накануне войны сквозь призму желания Москвы уничтожить несправедливую Версальскую систему [26]. Рассматривая геополитическую ситуацию, сложившуюся в регионе после начала германской агрессии против Польши, брестский исследователь Л.И. Ермакович критически оценивает силовую дипломатию Сталина, которая привела к включению западнобелорусских и западноукраинских территорий в состав СССР. По его мнению, противоречия должны решаться мирными средствами, а не при помощи силы [17]. Со своей стороны, Л.П. Никитенкова из Брестского госуниверситета обратила внимание на польский вопрос в дипломатии европейских государств накануне войны. Однако, по ее мнению, которое вряд ли подлежит сомнению, нереальная оценка Варшавой международной обстановки, преувеличение роли и места Польши в европейской системе международной безопасности со стороны польского руководства, политика уступок Германии со стороны Англии и Франции поставили мир перед неизбежностью войны [27, с. 102].

Значительный вклад в исследование данной проблемы внес своими работами профессор БГУ В.Е. Снаповский. В частности, в одной из своих последних монографий автор касается судьбы Польши в контексте подписания пакта Молотова – Риббентропа, ввода частей Красной Армии на территорию Западной Белоруссии и реакции Великобритании и Франции на этот шаг советского правительства, а также дипломатической борьбы вокруг восточной границы Польши в 1939–1945 гг. [59, с. 56–133]. В других своих публикациях ученый анализирует советско-германское сотрудничество на польском направлении в 1939 г. [49; 54], белорусскую карту в советско-германских отношениях в 1939–1941 гг. [57], деятельность прогермански настроенной белорусской эмиграции, связывавшей надежды на восстановление белорусской государственности с А. Гитлером [55].

К «белорусскому вопросу» в стратегии великих держав в период Второй мировой войны обратился гродненский историк В.В. Барабаш. Он осветил условия и главные политические силы, оказавшие влияние на позицию государств антифашистской коалиции в отношении Беларуси и пришел к выводу, что решение «проблемы Беларуси» было подчинено геополитическим интересам великих держав [2]. Коснулся В.В. Барабаш